

спрашивая —
отвечают...

Евгений МАТВЕЕВ:

«ИСКУССТВО ГАСНЕТ БЕЗ СТРАСТЕЙ...»

НАРОДНЫЙ артист СССР, лауреат Государственных премий Евгений Матвеев — признанный мастер кино и как актер, и как режиссер. Стоит только назвать его имя — и перед глазами возникают Макар Нагульнов из «Поднятой целины» и Тимофей Шаповалов из дилогии «Высокое звание», Добротин из «Сибирячки» и сержант Федотов из «Родной крови», Емельян Пугачев из одноименного фильма и Захар Дерюгин из «Любви земной» и «Судьбы». И еще много-много других значительных персонажей, созданных Матвеевым за долгие годы напряженной творческой жизни, — значительных накалом духовной и эмоциональной жизни, силой и широтой русского национального характера, который разными гранями высвечивается во всех героях Матвеева.

Говорят, не обязательно личность актера совпадает с создаваемыми им образами. Но какие-то основные, определяющие черты непременно совпадают. Иначе быть не может, потому что актер вкладывает в своих героев часть души. Поэтому не удивляешься, когда, познакомившись с Евгением Семеновичем, обнаруживаешь в нем открытый темперамент, способность быть душевно щедрым, свободно и непосредственно выражать свои чувства, тот эмоциональный подъем, который одушевляет большинство созданных им персонажей. Все, кто знает Матвеева, говорят, что он необыкновенно работоспособен, может загореться сразу и до конца новой идеей, ролью, замыслом. И наша беседа началась с того, что волнуется актер именно в данный момент.

— Сейчас меня беспокоит нестабильность обстановки в мире, возникшая по вине американского империализма. Над планетой вновь повеял ветер «холодной войны». Мне, как каждому советскому человеку, не хочется, чтобы пахло порохом.

Недавно я был избран членом Комитета защиты мира. И мне хочется сделать что-то конкретное сейчас, немедленно. И в настоящее время я захвачен работой над сценарием нового фильма о революционных вспышках на планете. Земля напичкана этими взрывами, когда сталкиваются два мира, два образа мышления. Я давно знаю писателя-международника Генриха Боровика, автора пьесы о Чили и президента Сальвадоре Альенде. И сейчас мы совместно с ним работаем над сценарием нового фильма. Проблема революций и различного отношения людей к ним чрезвычайно важна. Задуман целый блок фильмов на эту тему. Это во мне сидит, кипит, варится, я долго обдумывал, вынашивал, теперь необходимо разрядиться.

— Евгений Семенович, эта тема пока еще в стадии работы над сценарием. Но, вероятно, есть и картина, которая уже снимается?

— Конечно. Сейчас я снимаюсь в удивительном фильме, где выступаю в необычном и чрезвычайно интересном для меня амплуа — рассказчика в многосерийном документальном фильме, повествующем о послевоенном периоде 1945—1950 годов, когда многострадальная наша Родина восстанавливала свое

разрушенное войной хозяйство и промышленность и в это же время активно включилась в борьбу за мир. В фильме я чувствую себя не просто комментатором, но коммунистом и сыном своего народа. От имени всего поколения, пережившего то незабываемое время, я рассказываю современному зрителю о героическом труде советских людей.

Уже прошли съемки в Днепрпетровске, Новгороде, Донбасе, предстоят поездки в Волгоград, Минск, Киев, Одессу. Всего будет восемь серий. Разыскано множество документов в зарубежных и отечественных архивах. Чтобы дать представление о фильме, расскажу несколько эпизодов.

Допустим, я стою в Новгороде, у стены древнего собора XIV века, который был фашистами стерт с лица земли, в упор расстрелян из пушек, и говорю о бесчеловечном отношении гитлеровцев к памятникам истории и культуры. И идут кадры разрушенного и восстановленного собора, возвращенного народу.

Или взять Аничков мост в Ленинграде. Не все знают, как ленинградцы под огнем, в смертельной опасности, снимали и разбирали на детали знаменитых коней, заботливо смазывали, чтобы они не поржавели и сохранились для будущих поколений... Эта работа рассказчика в документальном фильме очень трудна. Чем? Здесь не за что скрыться. В художественном фильме можно спрятаться за характер героя. Здесь же я открыт для всех. Вот стою перед всеми я, Евгений Семенович Матвеев, и должен выразить себя, свои чувства, передать и восторг, и боль, и отчаяние.

— Евгений Семенович, в печати были сообщения, что вы снимаете новый художественный фильм о тружениках тыла...

— Да, только что закончил картину «Особо важное задание», в которой играю главную роль. Надо вам сказать, что жизненный опыт невольно заставлял меня неизменно обращаться к двум необыкновенно волнующим темам. В свое время мучила меня сельская тема — человек, влюбленный в землю, хлебопашец, кормящий людей, его характер, дыхание чувства, его великий труд. Я с детства был связан с такими людьми и выразил в ряде картин то, чему был свидетелем и участником. Другая всегда волнующая меня тема — человек в военной шинели, солдат, отстаивающий родную землю. Моя юность прошла в огне войны, и в ряде многих актерских и режиссерских работ это сказало. И вот однажды я задумался над тем, что мы, кинематографисты, недостаточно внимания уделяем тем, кто был далеко от пуль, героям тыла — подросткам, старикам и женщинам, которые держали на своих худеньких плечах тяжелую ношу — заботу об армии. Было

бы несправедливо не отдать им должного, и я решил снять фильм о них.

«Особо важное задание» — картина о самолетостроителях на материале Воронежского авиационного завода, который был эвакуирован в Сибирь. Буквально на пустом месте, в голоде, холоде, под проливным дождем, работая по 12—16 часов в сутки, люди пустили завод, давали продукцию, и производительность труда выросла в 6 раз по сравнению с довоенной. Есть ли предел человеческим возможностям? А источник силы — в любви, любви к Родине, своему Отечеству. На стадии подготовки к съемкам я изучал документы в архивах, но чего-то мне не хватало, чтобы зажечься. Я попросил партийную организацию завода устроить мне встречу с ветеранами. Собралось человек пятьдесят. Сначала люди были неразговорчивы, но потом мне удалось их расшевелить, вернуть в прошлое. С каким волнением, со слезами на глазах они вспоминали то далекое время и даже сами теперь удивлялись, что такое было! Мы проговорили пять часов подряд. Вот тот градус волнения, с каким они рассказывали, и послужил камертоном фильма. Самое дорогое для меня то, что в этом фильме снимались рабочие завода — и ветераны, и молодежь. Я удивлялся их высокой собранности, самоотдаче. Во время работы над фильмом произошел интересный случай.

Прошлым летом в степи под Воронежем мы снимали эпизод эвакуации города под обстрелом вражеских самолетов. Пришло более двух тысяч горожан, жара стояла страшная. Я очень волновался, как все пройдет. Когда съемки закончились, подходит ко мне оператор и говорит: «Женщина лежит». Мы перепугались, не случилось ли что с ней, подбегаем. А она заявляет: «А я тогда тут лежала до темноты». Оказалось, что она восемнадцатилетней девушкой пережила навалу весь этот ужас, эвакуировалась под бомбами и пролежала в степи, пока стемнело. И сейчас так все в ней ожило, что она уткнулась лицом в землю и продолжала лежать, вновь все переживая, и ей хотелось, чтобы и

в кино показали так, как было тогда, в 1941 году.

— Кого вы играете в этой картине и каков характер вашего героя?

— Мой герой — Кириллов, главный инженер, а потом директор авиационного завода. Основная его характера та же, что и у других моих героев. Они, конечно, все разные, непохожие, но есть в них и нечто общее. На мой взгляд, это то, что живут и действуют они как бы на пределе своих возможностей. Натуры страстные, в них широта, искренность, сила русского характера.

Так вот, будь Кириллов другого плана, я не взялся бы его играть. Люди спокойные, равнодушные меня не интересуют. Кириллов — из тех людей, которые самозабвенно отдаются своему делу. Для меня герои — те, кто стремится жить ради счастья других людей, такие, как Макар Нагульнов, Захар Дерюгин, Тимофей Шаповалов. Искусство гаснет без страстей, без эмоций... Главное — творческое начало в человеке. Вот в этом Кириллов похож на остальных моих героев.

— Есть у вас любимый герой?

— Если говорить об одном, то это, конечно, Макар Нагульнов. Этот шолоховский герой с его неумным темпераментом и подетски чистой душой и по сей день дорог мне.

И еще, безусловно, Емельян Пугачев. Эту роль было очень трудно играть. Историческая личность, ставшая легендой. У каждого свое представление о его характере. Каков он был на самом деле? Каким его играть? Перечитал гору литературы. Нашел «своего» Пугачева, когда обнаружил в одном документе ответ народного полковника прокурору: «А вы видели, господин прокурор, что видел я — как на крыльце помещичьего дома крепостная девка кормила грудью господских щенков?». И я понял, что Емельян родился от горя и страдания народного. Россия не могла не родить этого героя. Тут я нашел главный ключ характера Пугачева — он печален; и даже когда веселится, то все равно глаза грустные.

Эти герои, так сказать, «буиные». Но есть у меня и «тихие». И их я тоже люблю. Это и целомудренно сдержанный, но полный внутренней силы сержант Федотов из «Родной крови», и веселый и добрый Трофим из «Жеребенка» по рассказу Шолохова, и калининский Будулай. Человеческая красота выражается по-разному...

Здесь я должен сказать об одном герое, над чьим образом я работал с большим волнением и ответственностью. Это — начальник политотдела 18-й армии Леонид Ильич Брежнев в киноэпопее «Солдаты свободы».

Я решился играть одно качество, главное человеческое свойство моего героя — необыкновенно бережное и трогательное отношение к человеку, к памяти

людей, отдавших делу защиты Отечества максимум сил, его душевную доброту, гуманизм, проявленные в тяжелых условиях войны. Все однополчане Леонида Ильича Брежнева отмечают именно это его качество. Я старался играть сдержанно, почти не применяя актерских выразительных средств. Меня взволновало письмо погибшего старшины Егорова, которое читает начальник политотдела на партийном собрании. В письме говорится, что дело чести советских солдат покончить с фашизмом и помочь другим народам наладить новую жизнь. И приходилось подавлять чувства, охватившие меня, когда произносил эти такие простые и сильные слова письма. Можете себе представить, с каким волнением в воспоминаниях Леонида Ильича Брежнева, вышедших уже после того, как была сыграна роль, я прочитал о том, что обычно ему удавалось найти с солдатами и матросами общий язык, хотя каких-либо особых приемов для этого он не применял. Шла ли речь о серьезных делах или шутивая была беседа, старался вести себя просто, ровно. И я почувствовал удовлетворение оттого, что выбрал в работе над ролью верный ключ.

— Евгений Семенович, ваши фильмы пользуются неизменным успехом. И вы, вероятно, постоянно ощущаете любовь зрителей?

— После выхода каждой картины я получаю огромное количество писем. По ним я чувствую температуру зрительского интереса. Двести писем — это хорошо. Но после выхода «Судьбы» я получил семсот писем. Люди рассказывают о своей жизни, размышляют о том, что довелось увидеть, делаются сокровенным.

Особенно волнуют меня непосредственные встречи со зрителями. Это чрезвычайно важно. Каждая такая встреча — большая радость, своеобразная проверка результатов моей работы. Ведь кинематографист, как всякий настоящий художник, творит для народа, и ему необходимо знать мнение о своем творчестве.

— Кого вы считаете своими учителями?

— Большую роль в моем становлении как актера сыграла народная артистка РСФСР Вера Павловна Редлих, главный режиссер новосибирского театра «Красный факел», где я сразу после войны начинал свою артистическую деятельность. А в 1952 году, уже работая в Малом театре, я стал посещать организованный при ВТО семинар Михаила Николаевича Кедрова по практическому изучению системы Станиславского. Эти занятия стали для меня незабываемыми уроками самопознания. Духовным учителем и наставником своим считаю Александра Петровича Довженко.

— Что, по-вашему, определяет успех фильма?

— В первую очередь, конечно, сценарий. Чтобы поднять и решить на экране современную тему, необходима настоящая кинодраматургия. Неудачный сценарий не спасут ни оригинальное режиссерское решение, ни великолепная игра актеров. В сценарии должен присутствовать живой характер. Все любимые мои персонажи рождены большой литературой.

Беседу вел
Любовь ЛЕХТИНА